

Журнал "Свет над Байкалом"

№ 3, 1961

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Свет над Байкалом": № 3, 1961 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-458-66430-1

Журнал "Свет над Байкалом" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходился в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66430-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и дышал страстной и чистой атмосферой Чернышевского и Добролюбова. Но стоило ему оторваться от этой среды, стоило ему проникнуться реакционными, антинародными идеями, как он стал автором таких произведений, о существовании которых современный широкий читатель и не подозревает.

Воспитание личности писателя Коммунистическая партия всегда считала делом громадной важности. Наш писатель должен иметь глубочайшую внутреннюю убежденность, соответствующую советской идеологии. Только в условиях эксплуататорского общества могли появиться ханжествующие неверующие проповедники, охмурявшие в нечистых храмах «**божьё** паству». Только в обществе, построенном на поклонении желтому дьяволу, могли появиться писатели, пишущие не в силу внутренней убежденности, а продающие сребреников ради и ум, и совесть, и талант. Весь цивилизованный мир содрогнулся, когда такой в прошлом большой писатель, как Кнут Гамсун, зачеркнув все доброе, что он сделал в жизни, **позорно** и гадко продал свое перо **гитлеровским** головорезам.

Наш советский писатель, **в отличие от буржуазных писак**,—кровь от крови, плоть от плоти народа, строящего коммунизм, осуществляющего светлую мечту человечества. Писать правду о нашей действительности—**это** значит прежде всего быть беззаветно преданным коммунистическим идеалам. Верность передовым идеалам всегда была неизменной традицией русской литературы. Недаром же эта традиция породила вещи не красовские слова: «Поэтом можешь ты не **быть**, но гражданином **быть** обязан».

И в нашей молодой бурятской литературе идейное воспитание писателей с первых же лет существования писательской организации стало главным делом. Нам приятно вспомнить, что бурятские писатели старшего поколения были в первых рядах борцов за коренную ломку старого уклада жизни, за социалистическое преобразование улуса. Вспомним Ц. Дона, автора талантливой повести «Затмение луны». Эта повесть явилась страстным пропагандистом за коллективизацию. Она нашла дорогу к сердцам тысяч бедняков и середняков, еще колебавшихся, еще не сделавших окончательного выбора между старым и новым, между единоличным хозяйством и колхозом. Ц. Дон не только книгой своей, но и активной неутомимой организаторской работой **помогал** создавать колхозы, выступал талантливым агитатором среди крестьян. Именно это непосредственное практическое участие в кипучей, трудной тогдашней жизни, участие в великой мирной революции, ликвидировавшей кулачество как класс, помогло писателю создавать незабываемые произведения. Благородного и мужественного характера писатель-коммунист, Ц. Дон не побоялся в те годы поставить в центр своей повести «Затмение луны» мятущегося середняка Радну. Вся повесть проникнута огромным сочувствием к своему герою, которого негодяи, вражеские лазутчики да бессовестные горлопаны оклеветали и изгнали из колхоза. Разве можно и сейчас без волнения **читать** эпизод, где подговоренный кулаками и ламой, Радна **идет поджигать колхозный стог сена**. Какие оглушительно тяжелые **мысли** **ворочаются в голове** этого несчастного, идущего на преступление, на которое он по **натуре** своей не был способен! И вот поднялся ветер. Он **задрал верх стога**. Радна увидел это и тут же бросился спасать сено...

Писатель нашего времени, советский писатель,—это прежде всего гуманист. Много мы видели разного рода карьеристов, ортодоксальных крикунов, **громче всех** выкрикивавших наши лозунги. И, как **правило**, это были люди бессердечные, жестокие. И писателей таких мы встречаем. Эти люди и **знать не хотели**, что и **вся-то героическая** борьба поко-

лений революционеров прошлого, и сама Великая Октябрьская социалистическая революция, и наша Коммунистическая партия, и Советская власть были, есть и будут во имя человека, во имя его расцвета, во имя его счастья при жизни на земле, а не в раю после смерти от нищеты. Им и дела не было до того, что Ленин, величайший из когда-либо существовавших на земле гуманистов, завещал нам бороться за каждого человека, никогда не закрывать двери перед человеком, который трудными путями колебаний и ошибок идет к нам. В этом и состоит **квинт-эссенция повести Ц. Дона**, который развернул в большое, взволнованно исполненное полотно идею, вложенную в мудрую поговорку народов Востока: «Великая гора Куэнь Лунь не отвергла ни единой пылинки».

Да, хорошо воспитала наша партия советских писателей. Они не только говорили мужественную правду в трудные времена. В час грозной опасности для нашей Родины они рядовыми солдатами и офицерами пошли в воюющие полки. Наши писатели Жамсо Тумунов, Данри Хилтухин, Цокто Номтоев и другие с оружием в руках дрались с гитлеровскими захватчиками. Народ бурятский никогда не забудет своих поэтов-героев Константина Брянского, Бардамова и Цэрэна Зарбуева, павших смертью храбрых на поле боя.

Социалистический строй, говоря языком известных стихов, прищепил нашу некогда отсталую страну и необычайно ускорил темп жизни. Нет в помине и у нас, в Советской Бурятии, дореволюционных улусов с былой застойностью, медлительностью жизни. Давным-давно отошли в область предания времена, когда появление незнакомого человека в улусе было событием. Писатель нашего времени, если он хочет быть настоящим писателем, должен **всегда** чувствовать пульс необычайно стремительной современной жизни, двигаться в ногу со своим героем, идущим семимильными шагами, жить повседневно его поистине большими делами.

В век расщепления атомного ядра и космических полетов не должно быть писателей невежд. Между прочим, неутомимое, непреходящее копательство в прошлом у иных писателей имеет весьма прозрачную и нехитрую причину: глубокое невежество, сиречь незнание современной жизни, незнание людей, управляющих сложной техникой, незнание жизни, все более и более опирающейся на передовые достижения науки. Малая образованность, ограниченность общего кругозора — непоправимый грех для современного писателя!

Нельзя в связи с этим не остановиться на **одном весьма существенном пороке** в творчестве некоторых писателей.

Часто можно слышать: «Я пишу повесть о хозрасчете», «Кузнецов написал роман о мясокомбинате», «Жимбиев пишет роман об овцеводстве» и т. д. и т. п. И это ведь не простая оговорка. Речь идет, с одной стороны, о совершенно неправильном истолковании понятия о современности, когда фактически возрождаются левовские безжизненные лозунги «производственного искусства» с отведением, например, поэзии роли **плакатного цеха**. С другой стороны, мы имеем дело все с тем же невежеством, ограниченностью общего кругозора писателя, с глубоким незнанием жизни. Написать «произведение», наполненное разного рода унылыми техницизмами, где герои — мертвые схемы с именами людей, куда проще и легче, чем разобраться в судьбе героя — живого человека, действующего в конкретной обстановке, борющегося с такими же живыми, как и он сам, но мешающими идти вперед людьми, героя, любящего живой человеческой любовью, по-человечески негодующего, радующегося, тоскующего.

Кто из нас не помнит печально не знаменитых рассказов, поэм, повестей, а то и романов, канувших в пропасть забвения — произведений,

в которых не было ни живых людей с живыми характерами и судьбами, ни действий, ни яркой интересной мысли? Как правило, такие мертворожденные «произведения» носили чрезвычайно пышные названия, облекались в золото и серебро, а их «герои»-тени поселялись на всевозможных счастливых, богатых, чудесных, соболинных, солнечных и прочих долинах и нивах.

Такая участь, например, постигла произведения Михаила Толкача, автора двух книг о железнодорожном транспорте. Кто сейчас читает эти книги, в коих имеются добросовестнейшим образом переданные бесчисленные технические детали из сложного железнодорожного хозяйства, но нет ни одного героя, которого можно было бы хотя бы на короткое время запомнить? А ведь Толкач человек не без способностей. Беда и горе его заключались в том, что он не знал или забыл, что предметом искусства всегда был, есть и навсегда останется человек, что его изображаем мы в труде потому, главным образом, чтобы показать, как он в процессе труда преобразуется, что приобретает, что утрачивает. Не сам процесс труда, а человек, которого труд обогащает и преобразует, люди, вступающие в процессе труда в самые разнообразные отношения — в столкновения, в полную драматизма борьбу, в любовь и дружбу — вот что должно быть главным в произведении.

Добрый признаком именно такого понимания основных принципов художественного творчества является наша проза последних лет.

Барадий Мунгонов написал роман «Хилок наш бурливый». Роман, напечатанный впервые в журнале «Свет над Байкалом» в переводе В. Сергеева, был тепло встречен нашими читателями. Его хорошо оценила столичная критика в дни бурятской декады в Москве. Недавно «Хилок наш бурливый» вышел в «Роман-газете». Успех этого первого крупного произведения бурятской литературы на современную тему (не считая романа «Золотой дождь» покойного Жамсо Тумунова, романа, оставшегося, к сожалению, недоработанным) не случаен. Весь роман насыщен дыханием подлинной жизни, наполнен подлинным, из жизни взятым, грубоватым лиризмом в отношениях между героями-единомышленниками. Есть в нем люди хорошие, злые, хитрые, есть добродушный бесхитростный слюч Лубсан, у которого безнаказанно уводит невесту щедущий хлыщ. Есть в романе инвалид-сторож Мухор Саган и чабанка Бумадэй — наиболее удавшиеся образы.

Отличие от Михаила Толкача Барадий Мунгонов начисто изгнал из своей книги так называемую производственность. «Хилок наш бурливый» — это ни в коем случае не роман о кукурузе, а роман о людях, которых столкнуло друг с другом новое, невиданное — кукуруза. И в этом основное достоинство произведения.

В том же направлении, что и Барадий Мунгонов, работает молодой прозаик Цэрэн Галанов, напечатавший в нашем журнале в этом году две небольшие повести в переводах В. Сергеева. Интересна в том же смысле повесть А. Жамбалдоржиева «Звезды над цехом», а также роман Ц. Жимбиева «Разбег».

Доброе начало, лед тронулся!

За последние годы многие жалуются на крайнее убожество нашей литературной критики. И это не праздные жалобы. Разве можно, например, мириться с тем уровнем, на котором написаны «Очерки истории бурятской литературы». Это — с большими претензиями, но худосочная книга, в которой бесцветно и дрябло излагается лишь содержание произведений плюс прописные истины из учебников и передовых газетных статей.

Характерно, что критики, то есть люди, призванные выступать судьями выходящих в свет художественных произведений, делают это крайне неохотно и всегда робко, а порой и просто увиливают от исполнения своего профессионального долга с упорством и ловкостью удивительными.

В чем же дело?

Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно интересным явлением, на которое нельзя не обратить пристального внимания.

Если тот или иной автор художественного произведения в какой-то мере знает какие-то стороны жизни, хотя бы для их схематического обозначения, то, оказывается, критик свободен даже от этого. Критик может не видеть всю жизнь живого колхозника, но это отнюдь не мешает ему, скажем, рассуждать с ученым видом знатока о романе Барадия Мунгонова или о повести Галанова. Парадоксально? Но это факт. Парадоксально, что в большинстве случаев наши критики судят о книгах с меркой, почерпнутой из книг же, а не из жизни. Парадоксально, что мы допускаем, чтобы степень талантливости книги, то есть степень соответствия ее правде жизни, определяли люди, плохо знающие этой самой жизни.

Материалистическая теория познания давным-давно определила, что критерием истины является опыт, что ценность любой теории проверяется только практикой, то есть жизнью. Каким же критерием пользуемся наши критики, вознося или отправляя в тартарары произведение того или иного писателя? Этот критерий — так называемая эрудиция критика и пресловутый, проистекающий из нее, тонкий, безошибочный, беспощадный вкус, похожий ни дать, ни взять на нюх собаки, преследующей дичь. Стоит ли удивляться, что руководствуясь подобным критерием, критик сплошь и рядом видит в произведении то, чего в нем нет и не видит того, что торчит в нем как рог сохатого. Разве не в этом причина того, что многие критики усвоили тон елейного полупешота, позу почтительного приседания к любому, даже явно не удавшемуся произведению маститого писателя и в то же время — тон или снисходительный, или же неоправданно грубый к любому, пусть и талантливому, произведению молодого писателя!

Открывающееся в Улан-Удэ выездное заседание секретариата СП РСФСР призвано обсудить важный вопрос «Современность и национальные традиции в бурятской литературе». Этот вопрос — один из сложнейших и, надо сказать, годами запутанный легионом критиков. Мы приветствуем, что секретариат Союза писателей нашей многоязычной Федерации смело и решительно взялся за его распутывание. Проблем в литературе много. Но хорошо, что их беремся решать одну за другой. Партия недаром учит нас никогда не отступать от решения важных проблем, как бы трудны они ни были.

Амар сайн на бурятской земле, дорогие старшие братья и друзья!

ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР В УЛАН-УДЭ

Редакцию журнала «Свет над Байкалом» посетил Алим Кешоков, секретарь правления Союза писателей Российской Федерации. Это известный кабардино-балкарский поэт, автор двадцати сборников стихов, сценария кинофильма «Лавина с гор» и романа «Чудесное мгновение», печатающегося сейчас в журнале «Дружба народов». Алим Кешоков сообщил редакции:

— Два года назад на Северном Кавказе было проведено выездное заседание секретариата. По охвату литераторов, по размаху проделанной работы, по важности проблем и глубине их обсуждения заседание сыграло роль съезда кавказских писателей.

Это была первая ласточка. С тех пор у нас вошло в традицию такое живое общение руководящих органов Союза с писателями. В прошлом году выездное заседание состоялось в Мордовии, на нем обсуждались проблемы братских литератур шести национальных республик.

В июле, как известно, заседание будет в Улан-Удэ. И это не случайно. Лучшие произведения ваших авторов вышли за пределы бурятской литературы, стали достоянием всесоюзного читателя, перешагнули рубежи страны. Многим полюбились романы и повести Даширабдана Батожабая, Чимита Цыдендамбаева, Жамсо Тумунова и других писателей. За короткое время выдержало несколько изданий, вышло полумиллионным тиражом в «Роман-газете» первое в бурятской литературе крупное произведение на современную тему — «Хилок наш бурливый» Барадия Мунгонова.

Теперь бурятская литература достаточно зрела для того, чтобы дать материал для большого разговора о судьбах братских литератур, о животрепещущих проблемах современности, общих для всех национальных литератур.

Понятно поэтому, с каким интересом ждут нашего форума писатели не только Бурятии, но и других краев страны. В Улан-Удэ придут посланцы Якутии и Калмыкии, Тувы и Хакасии, национальных округов. Будут также представители соседних областей и краев. Из Москвы и Ленинграда придут крупные мастера нашего литературного цеха — Леонид Соболев, Валентин Катаев, Сергей Антонов, Михаил Алексеев, Сергей Смирнов, Василий Федоров, Николай Рыленков и другие.

Участие такого большого круга русских писателей и представителей братских литератур дает основание сказать, что заседание секретариата перерастет свои рамки и явится своего рода съездом писателей Сибири и Дальнего Востока.

Само собой разумеется, мы не ограничимся залами заседаний. Писатели пойдут к своим читателям — на предприятия, в библиотеки, во Дворцы культуры с творческими отчетами, вынесут на суд общественности свои новые творения.

Деловое, принципиальное обсуждение общих наших проблем, установление творческих контактов, укрепление дружеских связей между соседними братскими литературами — все это будет иметь немалое значение для дальнейшего развития литературы.

Наш форум совпадает с кануном исторического события — XXII съездом КПСС. Это налагает на нас особую ответственность. Вся наша работа, надо полагать, пройдет под знаком этого события, под знаком дальнейшей мобилизации писательских сил на выполнение предначертаний нашего славного кормчего, нашей родной Коммунистической партии.

Хочется сказать несколько слов о вашей республике.

Буквально с первых мгновений на меня пахнуло теплом гостеприимства моих бурятских друзей, простых и сердечных людей.

Забайкальские леса и горы живо напомнили мне дорогие моему сердцу пейзажи Кабардино-Балкарнии. По красотам природы здешние края вряд ли уступают Кавказу.

Когда смотришь на ваши поля, на ваши заводы и фабрики, воочию видишь, какой настойчивый, трудолюбивый и талантливый народ живет в Бурятии.

Большое счастье — жить среди таких людей и воспевать их!

Алим Кешоков

секретарь правления Союза писателей РСФСР.

ВОТ ОНА, ПАРТИЯ НАША РОДНАЯ

О партии запела песню я
И хором тотчас отозвались стройным
И хура, и скрипки, и чонгури струны.

Так вот какая
Партия моя —
В сердцах народов
Песни пробуждает.

О партии стихи слагаю я.
Цветущий сад охватываю взором.
Цветут, цветут Бурятии просторы.

Она такая —
Партия моя.
В ее садах
Народы расцветают.

К вершинам рудным поднимаюсь я.
Круты тропинки по Саянским кручам.
Крылата я, шаги мои могучи.

И это тоже —
Партия моя:
Шаг укрепляет,
Сердце окрыляет.

Привет горячий посылаю я,
Привет большой, как ширь и глубь Байкала.
Просты слова, но их любовь рождала

К тебе,
Родная партия моя,
Народа моего
И всех народов.

Шагаем мы дорогою прямой
От съезда к съезду — ближе к коммунизму.

О солнце, озарившее Отчизну!
Мы с партией
Могучею рукой
Достигли космоса,
Вершин достигнем счастья.

ОТВЕЧАЙ ЖЕ, ДЕВОЧКА МОЯ

Приметной, яркой красотой саранки
Природа не украсила тебя.
Прохожий встретит и не ослепится,
Пройдет себе вперед — не обернется,
Нет, девочка моя.

Сравнить тебя нельзя со стройной ивой,
Склонившейся под легким ветерком.
Не стану я кривить душой, не стану —
Нет в стане твоём гибкости такой.
Нет, девочка моя.

Назвали тебя именем простым,
Не звучным, не заманчивым, не тем,
Что будто бы само собой твердится,
Что с губ само слетает невзначай.
Нет, девочка моя.

И предков знатных нет в твоём роду.
И прадед и отец пасли отары.
И ты, ты вся в отца, — дитя степей.
Такая же, как все, одна из многих.
Да, девочка моя.

Так почему счастливая судьба
Тебе предрешена от колыбели?
Ты чарами такими обладаешь?
Так ловко оседлала аргамака?
Тулум стряхнув, открыла в нём секрет?
Нет, девочка моя.

Но светится всегда душа твоя
Настойчивым, неугасимым светом.
Светлы, священны замыслы твои —
Свои лучи несут навстречу солнцу.
Да, девочка моя.

И те лучи твой распрямили стан
И темное лицо все озарили,
С талантом подружили мастерство,
С трудом талант и мастерство сроднили.
Да, девочка моя.

Цветут, цветут твои семнадцать лет,
Цветами ржи простор преображают,
Зеленым морем щедро украшают.
Заботою твоей земля полна.
Да, девочка моя.

Земной волны колышется платок,
Зовёт тебя, приветствует за то,
Что заветную решила ты загадку —
Стального зааркенила коня.
Ты, девочка моя.

Так почему теперь ты подошла
Так робко ко второй своей загадке?
Тебе она труднее показалась?
Тебя врасплох застала, невзначай?
Да, девочка моя?

Открытым сердцем ты решишь ее.
Ответишь, почему луна полнее,
И песни задушевнее, звучнее,
И под ресницей капелька росы.
Да, девочка моя.

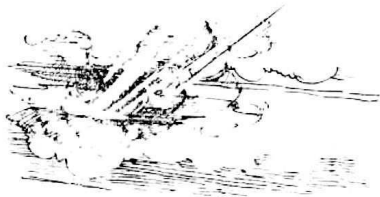

¹ Тулум — кожаный мешок, узкий, длинный, достигающий человеческого роста.

Тогда поймешь, что зря о красоте
 Ты думаешь сегодня так тревожно,
 Что зря ее ты ищешь в украшениях,
 Что зря в нарядах ищешь ты ее.
 Да, девочка моя.

Тот человек ее найдет, найдет.
 Но только не в нарядах и не в косах.
 Твоей души он красоту отыщет,
 Твою, твою он выберет из всех.
 Так отвечай же, девочка моя.

НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

Батюшка-батюшка, ты — море,
 ты — родного края море,
 ты — любви горячей море,
 море сердца моего.
 Дно Байкала так глубоко,
 дно зеркально-голубое,
 словно просится в сравнение
 с голубою глубиною
 неба края моего.
 Воды славного Байкала
 вольно складками ложатся,
 волны плещутся о берег,
 берег сердца моего.

Ты, Байкал, шлифуешь камни.
 А ведь сердце-то — не камень
 Мудрено ль, что это сердце
 так взволновано тобой,
 что в порыве безотчетном,
 как весло, перо беру я,
 и, как лодки, строки песен
 проплывают над тобой.

*Перевела с бурятского
 Н. Бялосинская.*

«ДУЛМАДАНИ».

Рис. М. Воробьева.